

Русская мысль. — Париж. — 2000. — 4 мая. — с 12/13.
«...помочь другому разобратся

Я всегда готова...»

Переписка Зинаиды Гиппиус с Анатолием Штейгером

«деятелей» и «поэтов» совершенно другими глазами. На меня повеяло такой мертвечиной и такой безвкусицей, такой бездарностью и пошлостью, что я не смог не порвать круто со всем этим кругом и всем ему сопутствующим и остаться в безвоздушном пространстве, т.к. с моим монархизмом я расстаться не мог и никогда не расстанусь. Как ни странно, но в подобном моему положению оказались еще многие, теперь объединившиеся в клуб монархический, но среди монархистов имеющий репутацию сменовеховской ячейки. Нам кажется, что у монархий и монархов никогда не было больших врагов, чем монархисты, т.к. к сожалению, их единственное занятие и цель состоит в опошлении и выставлении в юмористическом виде всего того, что должно бы было быть для них свято и высоко. Это относится ко всем правым, а наши правые эмигрантские непереносимы еще своей озлобленной ослепленностью и полным отсутствием элементарного национализма и любви к России, для них несуществующей, замененной национализмом «зарубежным», эмигрантским. На днях должен появиться в печати наш первый сборник⁴, который, если Вы разрешите, я пришлю Вам. Мы смотрим, т.е. стараемся смотреть на вещи трезво и прямо, не впадая в фактопклонство, желая, в общем, чтоб (помните Ваше стихотворение), было «ультра-фиолетово»⁵. Вместе с тем боимся и избегаем иллюзий, самодовольства, евразийского нахальства (хотя евразийцы нас и любят), партийных рамок и прочих принадлежностей монархических партий. Однако, после жестокого разочарования, я к политике охладел, т.к. при трезвом к ней отношении наша «политика», кроме горечи, дать ничего не может, а в поэзии скрыто столько радости, ее красота и чистота дают такое наслаждение, ради которого стоит любить и жизнь и не замечать иногда очень тяжелой действительности.

Я очень люблю Гумилева, Брюсова

и Комаровского, перед Гумилевым преклоняюсь, как перед поэтом неизломанного и здорового завтрашнего дня, мне кажется, что всю его ценность поймут именно не сегодня, а завтра. Блок в прошлом, я чувствую его голос, как голос из бесконечно далекого и навсегда ушедшего классика и фотографа («Двенадцать») в одно и то же время. Преклоняясь перед его гением, я не могу приблизиться к нему, как я почувствовал родным и близким Гумилева. На его бодрости, храбрости, красочности и никогда не умирающей и не могущей умереть жизненности со временем будет построено крепкое и прекрасное здание. Я суждено ли ему послужить фундаментом для новой русской поэзии?

Что Вы скажете о современной литературе и поэзии, есть ли что-нибудь настоящее в СССР, есть ли настоящие талантливые поэты в России и в эмиграции? А о кн. Святополк-Мирском? Он производит впечатление на меня, несмотря на его годы, очень талантливого, но распущенного и еще не остепенившегося весьма молодого человека.

Я очень прошу простить меня за скучное и длинное письмо и снова от души благодарю Вас за Вашу доброту и терпение.

<А.Штейгер>

2

З.Н.Гиппиус — А.С.Штейгеру
17-7-1927
Villa Granquille
Le Cannet (A.M.)

Я бы так много могла Вам сказать, Анатолий Сергеевич, на ваше письмо, что... скажу очень мало. Только самое необходимое. Потому что когда что-нибудь очень запутано, то не знаешь, с какого конца тянуть нитку. Прежде всего — предупреждаю вас, что у меня нет никаких педагогических способностей, да и нужного для педагогики терпения; я говорю только о том, что интересует меня; если вижу чужую путаницу, то возмущаюсь, не прини-

мая во внимание человеческие лета и спорю без всякой снисходительности. Знаю, что это несправедливо, понимаю, что вам, например, не откуда было и некогда получить некоторые необходимые сведения; но это ничего не меняет, так как объективно-то вам эти сведения необходимы, чтобы мы могли с вами о предмете разговаривать.

Я всегда готова допустить, что я ошибаюсь; но я хочу, чтобы мне доказали мою ошибку, чтобы моему мнению противопоставили другое, а не пели мне что-то из совсем другой оперы.

Вот, хотя бы, ваше письмо. Возьмем несколько ваших утверждений. Вы — монархист. Почему? Я знаю, почему я не монархистка. А вы, знаете, почему вы монархист? Если знаете — объясните (пока не объяснили — я ничего вам и о моем не-монархизме не сумею сказать). Вам «надрезала политика». Вам кажется, что искусство, стихи, красота и т.д. — приятнее, занятнее, вернее... На это у меня тысячу возражений, но все они будут такого порядка, что вы их не услышите! Я вам стану говорить о сгистике, о Вл. Соловьеве... но, ведь, вы его, конечно, не читали. Ясно, что тут пригодились бы постепенность и педагогика, а мне это не интересно. Затем, конкретное: вы мне говорите о Гумилеве, Брюсове, Блоке, потом о каком-то Комаровском (?) — и во всем этом мне чувствуется фатальная неосведомленность. (Конечно, не «фатальная» субъективно, — лишь объективно). Вы даже спрашиваете о моем отношении к Блоку. Но ведь мое отношение к нему я выразила, в меру сил, в совершенно определенном портрете его, — вы никогда не читали мои два томика «Живые лица», изданные в Праге? Там, кроме Блока, и Брюсов, и А.Белый, и Сологуб, да и мало ли кого там нет! Вот когда вы прочтете — вы мне скажите, почему, по вашему, они неверно нарисованы (если неверно) и в чем разница с вашим отношением. Во всяком случае вы из этой книжки узнаете много фактического. Гумилева я знала мало. В нем была мерт-

венность и громадный снобизм. А то, что мы теперь называем «гумилевщиной» — очень ядовито отразилось на среднем поэтическом полуколонии.

Но есть еще кое-что. О вашем монархическом клубе я сведения некоторые, — небольшие, — но все-таки имею. Меня не удивило, что «евразийцы вас любят». Т.е. это вы думаете, что они вас любят. То, что они скажут мне — они вам не скажут, и обратно. Но я то знаю одну совершенно правдивую вещь о них, которую вы не знаете: а именно — что они обыкновенные мошенники, жулики. Это покрывает все их сложные теории, о которых не стоит и рассуждать (и очень не трудно — рассуждать, при охоте). Я о них, что можно, писала; о Святополке-Мирском⁶, кроме того, особю⁷. Видела его (это господин среднего возраста, лет под сорок), когда он не был еще разоблачен и печатался в приличных журналах. Теперь его сношения с б-льшев-иками ни для кого не тайна, а сочувствие им даже выражается публично. Нужно ли еще «прессуировать», как я к нему отношусь?

После всего этого — может быть вы уже не так будете рады возможности мне писать? Но я то думаю, что эти между нами «разногласия», сразу так резко обнаружившиеся, еще ничего не доказывают, кроме вашей, пока, неосведомленности. Если мы, видя те же факты, будем их оценивать по-разному, — вот тогда другое дело. И как я ни мало интересуюсь чужим «воспитанием» — помочь другому фактически разобратся я всегда готова — и могу — вам тут служить.

Если вы читали иногда «Звено» (а «Наш Дом»?)⁸, вы знаете, что я не уклоняюсь от проверки молодых стихотворных опытов; кто не боится откровенных мнений и не ищет снисходительности à tout prix, тот мне эти опыты присылает.

На первый раз довольно, неправда ли? Передайте мой привет Вл-адимиру > В-ладимировичу и не вините его, если, благодаря ему, вы получили письмо, которое не во всех отношениях вам приятно. Во всяком случае, при внимании, вы не откроете в нем ничего недоброжелательного, напротив, и большой интерес к человеку и к его добрым намерениям — наверно.

Вам бы следовало больше писать о

себе. Что думаю я — можно узнать по моим книгам и стихам, а что думаете вы — я могу знать только по вашим письмам, пока вы себя еще не выразили.

С искренностью

З.Гиппиус.

Публикация и примечания
Льва Мнухина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо отправлено из Сент-Женевьев-де-Буа, где месяц назад в Русском Доме А.Штейгер получил должность секретаря. Среди тех, с кем у него завязалось знакомство, был Владимир Владимирович Философов (1857-1929) — действительный статский советник, член Союза русских дворян в Париже, брат известного публициста и общественного деятеля Д.В.Философова, долгие годы сотрудничавшего с Мережковскими.

² «Старшие» немилосердно презирали «младших», — писала об этом в статье «Мальчики и девочки» Гиппиус («Последние новости», 1926, 17 сент.).

³ Правильно: Андреевский Сергей Аркадьевич (1847/1848-1918) — поэт, критик. Зинаида Гиппиус познакомилась с ним в 1889, позже называла его своей «подругой», — единственной, зато настоящей». (З.Гиппиус. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951). По-видимому, Штейгер назвал его фамилию, вспомнив статью Гиппиус, посвященную С.А.Андреевскому и опубликованную в еженедельнике «Звено» (1926, №№171-172).

⁴ Первый сборник парижских младороссов под названием «К молодой России» вышел в 1928. Его авторами были: А.Казем-Бек, К.Ели-та-Вильковский (Вильчковский), Н.С. и Ю.С.Арсеньевы.

⁵ Имеются в виду заключительные строки из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Программа» (1918): «Что мне зеленое, белое, алое? // Я хочу, чтоб было ультра-фиолетово...» Штейгер мог прочесть его в «Современных записках» за 1923 г. (№15).

⁶ Кроме очерков об упомянутых в письме поэтах, в двухтомнике «Живые лица» (Прага, 1925) есть воспоминания о Розанове, Врубел-вой, Плещееве, Полонском, Майкове и др.

⁷ Пожалуй, наиболее полную характеристику Святополк-Мирскому Зинаида Гиппиус дала в своей статье «Мертвый дух» («Голос минувшего на чужой стороне», Париж, 1926, №4): «Таланта — и даже эстетического чутья — лишен; однако, страдает, если не славовлюбием, то известностью. Взамен таланта ему дана некая сообразительность и нюх к моменту. А так как база его — полнейший душевный нигилизм, то в выборе моментов и путей он ничем не стеснен, только бы подходящий — и удобный»; «...он облюбовал путь эстетического пробольшеизма, — с его все-таки вывеской какой-то «России», — сам не имея ни к какой России ни малейшего отношения, ни малейшего о ней понятия и... даже плохо владея русским языком?»; «...в одной строке г. Адамовича больше таланта, чем во всех писаниях Святополка, бывших и будущих...» и т.д.

⁸ Описка З.Гиппиус, хотя и не без смысла. Имеется в виду литературный журнал «Новый дом», который выходил в Париже под редакцией Д.Кнута, Ю.Терпиано и В.Фокса в 1926-1927. Гиппиус публиковала в нем свои стихи (№1) и статьи о литературе (№№1, 3).

«При всей бесспорности Гиппиус-поэта, который останется в истории русской поэзии, имеется еще жанр литературы, который, по мнению многих, в том числе поэтов и литературных критиков, является высшим достижением в многообразном и разнообразном творчестве Гиппиус. Это — ее эпистолярное искусство». Эти слова принадлежат редактору журнала «Современные записки» Марку Вишняку, в течение пятнадцати лет находившемуся в оживленной переписке («деловой, политической и личной») с Зинаидой Гиппиус. Одним из многочисленных примеров эпистолярного искусства Гиппиус может служить настоящая публикация ее писем к Анатолию Штейгеру, в которых одновременно присутствуют и актуальные политические споры, и меткие характеристики современников, и отношение автора к поэзии и молодым поэтам, и многое другое. Характер взаимоотношений обоих корреспондентов и картину общественной жизни русского Парижа, рисованную Гиппиус в своих письмах, убедительно дополняют ответные письма Штейгера.

В целом же содержание писем, вплоть до причин охлаждения Гиппиус к адресату, достаточно красноречиво говорит само за себя и развернутых комментариев не требует. В необходимых случаях даны лишь краткие пояснения и ссылки, а также некоторые уточнения. Публикуемые ниже письма З.Н.Гиппиус печатаются по копиям с оригиналов, хранящихся в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге, письма А.С.Штейгера — по оригиналам (письма 3 и 7) и машинописным копиям, хранящимся в архиве Музея Марины Цветаевой в Болшеве. Все письма публикуются впервые. Приношу благодарность сотруднице Литературного архива Марте Дандовой и директору болгарского музея Зое Атрохиной за предоставленные для публикации материалы и возможность опубликовать переписку в полном объеме.

Л.М.

Москва

1

А.С.Штейгер — З.Н.Гиппиус
9 июля 1927.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна.

В.В.Философов показал мне Ваше письмо, содержание которого меня необыкновенно обрадовало. Я бесконечно благодарен Вам за Ваше письмо.

НИЖНИЙ КУЛДЖИН

Зинаиде Гиппиус
-желавири эн хи кивеири еллот ор-квиневек
-жол илел илелетивас оль 'илелетивас
о 'пшоннелетивас оль 'илелетивас
-еп илелетивас оль 'илелетивас
пно оль 'илелетивас оль 'илелетивас
эн 'илелетивас оль 'илелетивас
«кинетивас оль 'илелетивас
кинетивас оль 'илелетивас
-век 'илелетивас оль 'илелетивас
-то вожининири илелетивас оль 'илелетивас
е 'илелетивас оль 'илелетивас (i) илелетивас
илелетивас «илелетивас оль 'илелетивас
-век онелетивас доволити оль 'илелетивас
'илелетивас оль 'илелетивас
ЖЛ 903-10) доволити илелетивас оль 'илелетивас
илелетивас оль 'илелетивас — он